

«Багдадский вор»

В параллельных странах

Моск. правда. — 1996. — 28 марта. — 68

Те, кто побывал в «Сатириконе» на спектакле «Багдадский вор», наверняка долго не смогут забыть великолепного Владимира Бадова - исполнителя главной роли. Ироничного, зажигательного, пластичного. Рассказывая о ком-то, Владимир моментально входит в образ, вспыхивает, словно бенгальский огонь и... дальше идет театр.

Никак не верится, что Володя может быть серьезным, сдержанно-сосредоточенным, ушедшим с себя. Но мне довелось увидеть его и таким. На съемочной площадке перед выполнением каскадерского трюка.

- О чем ты думаешь в такие минуты?

- Самое главное - постараться... не думать. Работать из глубины. Если я начинаю думать, что сейчас упаду и балкой меня придавит, то трюк делать не буду. Я совершенно однозначно должен знать, что тело мое сделает так, как надо. Как только я начну искать выход из положения перед трюком - все. Я должен перед трюком быть как лист белой бумаги. Я - и рядом партнерша, которая не знает, что сейчас произойдет. И ей надо меня толкнуть, а мне, скажем, надо упасть. И упасть не как хотелось бы - сделать сальто-мортале, приземлиться как положено, пролетев метров девять. В кино ты должен упасть как «по жизни» - спиной. Можешь отбить себе что-то, но это твои проблемы. Если б в жизни с такой высоты долбанулся, то уже откуда бы не поплыл. Тут работает совершенно другая энергия. Я не думаю «как?». Почему спортсмены очень плохо работают трюки? Да потому, что у них в теле заложена правильность. И получается - его двинули в скулу, а он тройное сальто летит. Чего летит, куда? Обычно-то: блямс - бум. Тряпкой падаешь, мешком. Так и в кино. Чем отличается каскадер от спортсмена? Он не думает, он делает. А спортсмен думает, а не делает.

Чего в этот момент думать? Надо концентрироваться. Штука в том, что когда выключаешь ум и включаешь сознание, то тело само работает.

Я снимался с Щербаковым в картине «Террористка». У режиссера Станислава Раздорского. Говорю партнеру: «Ты немного притормози, а я полетел». Он всю жизнь водит машину, а тут заволновался: «Как? Я трюки не буду делать, я только за рулем». Снимался эпизод, когда в воду с моста из едущего автомобиля выбрасывали героиню. А я ее лублировал. Мне надо вылететь из машины с моста в воду, а «Жигули» низкие, неудобные. Еще дождь идет, ничего не видно. Щербаков волнуется страшно. А после съемок уже говорит: «Спасибо тебе». - «За что?» - «Я пересилил себя. Такое впечатление, что я сам делал трюк». Но в момент, когда я вылетал, помню же - ни о чем не думал. Хотя до этого десять раз проверил, чтобы кол в воде или из моста не торчал. Все прошел ногами. По скорости посмотрел, чтобы во время полета в столб опорный не врезаться.

Или, допустим, мы делали полеты с 18-го этажа. Был новогодний праздник. Выступали на стадионе. Режиссер говорит: «Надо, чтобы Дед Мороз прилетел с неба. Вон башня стоит 18-этажная. Метров двести до нее, с нее хотя бы летани». Сели мы с мужиками (все каскадеры), обмозговали, и Саня говорит: «Запроси. Натянем трос с крыши. Но лететь долго». А на территории стояло огромное дерево - дуб. Когда перекидывали, трос попал на троллейбусные провода и по всему району вырубился свет. На что потом режиссер говорил: «Странный Новый год какой-то. Козни. Кто-то свет выключил по всему району. Прямо как у Булгакова - «Мессир не любит электрического света».

- Нет в мире мистики. Есть различная степень знания.

- Вот именно. Мы все втихоря покатываемся, но молчим. А привязывали трос к дому - вообще цирк. За крышу привязать нельзя, потому что крышу оторвет. Вязали два этажа. А уже вокруг дерева тянули трос человек тридцать. Он - как тетива, да еще на морозе. Натянулся так страшно, что казалось - лопнет. И вот мне предстояло лететь.

Первые пять этажей - как в свободном падении. Сцепления никакого. Хотя лечу на карбине. И на середине вдруг проскакивает мысль: «А если сейчас что-нибудь лопнет, даже «мама» не хрюкнешь». Высоко... Понимаешь, в момент полета все вот здесь, в груди, в комок собирается... Как бы вся душа... Слово от конечностей кровь к серд-

цу приливает. И энергия, и сознание, и внимание только перед носом, на карбине - выдержит или оборвется и сломается. А лететь далеко. И я видел, как он плавится. Хороший карбин из титана. Выдерживает 2т 300кг, а во мне - только шестьдесят. И думаю: «Надо было бы какую-нибудь страховочку организовать, а то сейчас он - тук, и

я - у-у-у».

- А что понимаешь?

- Цену жизни. Очень хочется жить. И хотя говорят: «Вот каскадеры ничего не боятся». Они не боятся до поры, до времени. А когда трюк делаешь - очень хочется жить. Когда делаешь - не думаешь. Тук-трах-бах. А потом сидишь где-нибудь за столом в гостях и всплывает: «А вот чуть-чуть не довернулся бы, раз - и шея нет». И смерть. И так холодно и противно становится.

А иногда бывает так - стоишь на крыше, все проверено, а внутри чего-то не идет. Я говорю: «Я не буду делать». И все вокруг понимают: не идет, значит, лучше не делать.

Вот сейчас в Олимпийском на лошадях работали, и я сам чувствовал неуверенность. А неуверенность и коню передается. Неуверенность оттого, что резину еще не положили, работать надо на скользком бетоне. Мы заходим на гору (градусов под сорок, метров двадцать), потом площадка, и потом - вниз. Я на галопе вылетаю на бетонку по дорожке. Упустил коня. Мы как подпрыгнем с ним - и вот до сих пор хожу лечусь. Слава Богу я вместе с ним хрюкнулся.

- Почему «слава Богу?»

- Потому, что если бы я хрюкнулся один, то я ребят поил бы неделю. Обычай. К вечеру нога была красно-синяя. Но к чему это я? Так же как и во всех профессиях, в каскадерской есть правило: не уверен - не обгоняй. Но потом я разозлился на себя: «Бад, ты не прав». Думаю, пройду завтра. И сам себе - нет, сегодня. Сегодня. Три-четыре раза по этой горе проскакал. Убедил себя. Его. Потом пошло, как в праздник. В десять часов мы селились и в пять вечера слезали, не вынимая ног из стремян. А потом, когда ребята пришли в театр, они удивлялись.

- Там совсем другой Бадов? В белых одеждах и неприступный?

- И Фатима рядом... А здесь - театр. И энергетика другая. Вдруг чувствую - меняется отношение. В конюшне у нас конюх был один, маленький такой, Се-

рега. Пришел в театр и после этого курить бросил и пить. Коношня, запахи, кто-то ругнуться может. А тут - совершенно другая обстановка, театр, я - в костюме, грим красивый, сережка на мне. А пришел он случайно: «Бад, что ты там в театре делаешь?» - «Скачу». Пришел и вдруг на «вы» заговорил. Одеваться стал. Следить за собой... Значит, мы что-то делаем с тобой в этом мире. Что-то такое происходит с ними. А тот Серега на каждый спектакль стал ходить.

Я чувствую, что я - богатый человек. Мне не приходится размениваться. Я занят любимым делом и подзаработать тоже могу в любимом деле. Я свободен. Я работаю в трех театрах. Даже как-то сочувствую тем артистам, при всем моем уважении к ним, которые по тридцать спектаклей в месяц обязаны «отпахать».

А нельзя творить в этом ритме, тональность не та. Творить можно только с положительной энергией. Когда я прихожу в театр, я вижу, как наши артисты готовятся. Они как к празднику готовятся. (Мы не часто играем «Багдадского вора»). И перед спектаклем я их собираю вот так... (Тут Владимир начинает шелкать пальцами - возникает какой-то магический завораживающий ритм, нечто сродни медитации).

- Почему именно ты берешь эту настройку на себя?

- Потому что я - главный герой, потому что первым выхожу на сцену. Начнем? И чувствую, что они, как к магниту, ко мне притягиваются - образуется единый организм. И я от них тоже заряжаюсь. Когда внутренний подъем достигает пика, я говорю - давайте! Тогда вся эта энергия перелестывается в зал. Зритель это видит. И уже неважно, что происходит на сцене. Зрители понимают, что сейчас они получат то, за чем пришли, - настроение. Их не обманут.

- Ты сказал очень интересную вещь: «Неважно, что происходит на сцене». То есть ты считаешь, что важен сам звук действия, энергетика?

- Да. Бывает, что артист выходит на сцену и высасывает из зрителя аплодисменты. А мне неважно, хлопают они мне или нет. Моя задача излучать. Я сейчас вложу в это свою энергию, свои силы, талант. Все, что у меня есть сегодня. А после спектакля - ко мне лучше не подходить... Меня нет. Все там.

- Володя, естественно напрашивается вопрос: ты - профессиональный актер, работаешь в трех театрах. Все очень удачно складывается в кино. Откуда такая тяга к каскадерской профессии?

- Знаешь, наверное, потому, что это сидит внутри. Риск - это часть моей природы, способ моего существования. Это постоянная проверка. И возникающее чувство удовлетворения от преодоления самого себя.

Елена КУРБАНОВА